

Отель «У призрака»

Автор:

Андрей Белянин

Отель «У призрака»

Андрей Олегович Белянин

Галина Черная

Детектив из Мокрых Псов #3

Вот и настал День тринадцатого снега! Самый главный праздник в году! Да здравствуют карнавалы, ёлки-палки, сломанные ноги и всеобщее веселье! Вот только полиции городка Мокрые Псы, как всегда, не до отдыха. Террористы из «Хвала Амбар», странные трупы в канализации, интриги местных поэтов... да мало ли? А в далёкой Полякии вообще возобновляет работу сакральный клуб самоубийц-любителей. Подтянутый и бескомпромиссный сержант Ирджи Браздинский вновь встаёт на пути преступников. Чёрт-полицейский – это всегда больше чем просто чёрт. И даже таинственные смерти в отеле «У призрака» его не остановят!

Андрей Белянин, Галина Черная

Отель «У призрака»

Глава 1

Вкус тринадцатого снега

...Я шёл на работу в приподнятом настроении. Стояла на редкость хорошая погода. Сквозь тучи пробивались лучи холодного солнца, на деревьях давно не было ни одного листочка, белые мухи[1 - Единственные насекомые, которые почему-то выбрали зиму, чтобы плодиться и размножаться.] стаями кружили в воздухе, а под ногами скрипел снег. Редкие прохожие, попадавшие по пути, были также не улыбки и на ходу пытались толкнуть меня плечом. Это невольно умиляло, мягко напоминая нам всем о предстоящем празднике.

День тринадцатого снега – любимое торжество каждого, у кого было детство! И даже те, у кого его не было, типа кобольдов или горных троллей, всё равно не отказывали себе в удовольствии присоединиться к всеобщему веселью.

Это же главный зимний праздник! Интересно, как его будут праздновать здесь, в Мокрых Псах? Я вспомнил, что моя мама в этот день всегда пекла специальные поляцкие пирожки. С мухоморами и гвоздём! А перед Днём тринадцатого снега у нас был традиционный двухдневный пост. Естественно, все успевали наголотаться и всей роднёй набрасывались на огромное блюдо с пышущими пирожками! Тот, кому доставался гвоздь в пирожке, считался самым счастливым и искренне верил, что ему весь год будет сопутствовать удача[2 - Разок мой двоюродный племянник решил схитрить и стал глотать пирожки не жуя. В этот день никому не достался гвоздь. Но вечером в больнице мы узнали, кто его съел. Хитреца три дня отпаивали касторкой, и всё равно не удалось избежать операции. С тех пор он стал очень осторожен и любую еду ел маленькими порциями, что не помешало ему до совершеннолетия лишиться ещё двух зубов. Он и гвозди-то глотать начал, потому что потерял уже четыре зуба. Да-да, гвозди к нему так и льнули, везучий был парень...]...

Мне же, к несчастью, так ни разу и не достался вожаделенный пирожок с гвоздём. Я всегда огорчался по этому поводу, даже не раз пытался подговорить маму, чтобы она заранее показала мне, в каком пирожке гвоздь, но мама лишь смеялась и шлёпала меня полотенцем, чтобы не лез под руку. Как же мне было обидно...

И только когда я уезжал на учёбу в Парижск, на нашей последней дружеской вечеринке вдруг стало понятно, что я единственный из моих друзей и родственников, кто сохранил все зубы! С тех пор я поминал маму и её чудесные пирожки только добрым словом.

Дорожка перед нашим полицейским участком была расчищена. Наверняка постарался рядовой Чунгачмунк, он любит порядок. Я толкнул дверь, вошёл в прихожую под вой демона Уфира[З - Сигнализация, которую мы не выключали.] и едва успел расстегнуть верхнюю пуговицу пальто, как на меня набросились со спины.

- Флевретти, что за шутки?!

Я бы легко справился с тощим и не любящим спорт, как и любые другие усилия (типа ухаживания за женщинами вне Сети), капралом, но просто растерялся от неожиданности. Признаться, первая мысль была, что наш любитель томатного сока попросту сбрендил. А меж тем он явно использовал все силы, пытаюсь повалить меня на пол, и делал это вполне серьёзно. Из своего кабинета на меня поднял тяжёлый взгляд комиссар Базиликус.

- Что происходит, шеф?!

- Сержант Брадзинский, прекратите сопротивление! А теперь немедленно сдайте удостоверение и бляху! Наденьте на него наручники, капрал.

Это было как шкафом по голове. Из райских куш родного отделения полиции я словно бы был брошен в самую глубокую бездну беззакония. Всё происходящее казалось страшным фарсом, у меня невольно опустились руки. Я перестал сопротивляться и позволил Флевретти надеть на себя наручники. Меня арестовало родное отделение! Но за что?!

Повернув голову, я увидел у камеры предварительного заключения рядового Чунгачмунка. Мой друг-индеец сидел на полу, скрестив ноги, закрыв лицо руками, и тихо покачивался из стороны в сторону.

- Да-да, - сурово подтвердил капрал Флевретти. - Ему стыдно за того, кого он считал героем и старшим братом. Он, между прочим, с самого утра так сидит.

Я сжал зубы и решил хранить молчание. Что бы такого они мне ни инкриминировали, всё равно я не знал, что это за преступление. А вот не буду говорить без адвоката...

Меня препроводили в камеру. Комиссар шёл следом и молча следил за исполнением приказа. За мной закрылась железная дверь, и лязгнул замок.

– Сержант Браздинский, вы обещали мадемуазель Эльвире завести ферму? – обвинительным тоном начал Базиликус, открыв зарешеченное окошечко.

– Ферму? – В первую секунду я не понял, о чём это он. – Какую ферму?

– Откуда мне знать какую? В которую она играет, видимо. Так вот... Чему вы улыбаетесь? У вас что, совсем совести нет?

Я чуть не расхохотался, но в последний момент чудом смог сдержаться, видя, что комиссар слишком серьёзен и даже начинает багроветь от гнева.

– Я вижу, что вы вовсе не раскаиваетесь в том, что не выполнили своё обещание завести игру «Ферма»! Добавить её в соседки, дойти до какого-то там уровня и подарить мадемуазель Фурье, э-э... – он достал бумажку, чтобы уточнить, – ...двадцать шесть рубинов, позолоченную карету, двух болтливых овец, восемь енотов для стирки, четыре яблони и одного единорога, как она вас и просила. Это возмутительное поведение для офицера полиции!

– Факт, – подленько поддакнул капрал.

– Поэтому посидите-ка здесь, пока не осознаете всю глубину своего морального падения. Если понадобится, хоть неделю. Вы же знаете, что городской судья мой друг и всегда выпишет нужный ордер.

Я покачал головой: если когда-нибудь он в запале ляпнет это вслух при посторонних...

– Подумайте над своим поведением. Флевретти, дайте заключённому сухой паёк в обеденное время, в туалет выводите под охраной. Мне скоро нужно будет уйти.

И шеф с мрачным видом удалился к себе. Но я отметил, что суровость его была уже немного напускной. Старина Базиликус, с горячим темпераментом, но отходчивым сердцем, просто не умел сердиться долго. Если, конечно,

преступник не был вором, укравшим всё пиво в городе! Тогда бедолага мог словить на всю катушку...

Капрал сидел за своим компьютером задрал нос и старался не встречаться со мной взглядом. Поэтому мне пришлось сесть на нары, углубиться в Интернет с телефона и просто ждать. Добряк Флевретти не выдержал даже десяти минут и с жалостью на лице заглянул меня проведать.

- Ты как, дружище? Конечно, шеф поступил с тобой слишком сурово.

- Ничего, нормально.

- Извини, если я сделал тебе больно, когда набросился. Я иногда могу не рассчитать силы. Наручники не сильно жали?

- Всё в порядке, спасибо. - Я нахмурился и нарочито небрежно поинтересовался: - Значит, Эльвира приходила?

- Да, вот прям к открытию отделения, - тут же сдал её капрал, состроив сочувственное лицо, хотя в его глазах, как всегда, таилась усмешка. - Пришла с утра, написала заявление на тебя. Вы разминулись, наверное, на полчаса. Что там у вас с ней произошло, чего она на тебя так взъелась, а?

- И близко не представляю, честно!

Но если подумать... Разве что причина могла быть в неудавшемся свидании. Память услужливо вернула меня во вчерашний день. Накануне Эльвира непрозрачно намекнула мне, что у неё свободный вечер, мама занята братишками... В общем, если у меня есть какие-то предложения на романтический ужин с продолжением (да-да, так она и сказала!), то она буквально два часа назад купила новое парижское белье и ещё даже не примерила.

Я мысленно согласился с тем, что более откровенного намёка сделать нельзя, и тут же пригласил её к себе. Она, не кокетничая и не ломаясь, пообещала зайти в девять. У меня оставалось не так много времени, чтобы рысью пробежаться по магазинам, закупить всё необходимое и устроить к её приходу настоящую

романтическую сказку в лучших поляцких традициях.

Я стянул мрачные серые гардины, расчихавшись от поднявшейся пыли, и повесил розовые занавески в мелкую клетку с оборочками. Скатертью из той же ткани (продавалось набором) накрыл старый стол. Поменял простыни, застелил кровать покрывалом в стиле пэчворк, накинул на грязное кресло вязаный сиреневый плед, очень нежный и мягкий, на стулья – специальные сидушки с весёлым народным узорчиком. Получилось вполне стильно.

Поставил в вазу свежие цветы (с трудом достал как большую редкость в третьем, и последнем в городе цветочном магазине на самой окраине), пожарил картошку до углей и стейки с кровью. Ну и к указанному часу ждал её с бутылкой вина в домашней фланелевой рубашке в клетку, просторных дырявых штанах и засаленных тапочках. Как видите, домашняя и уютная обстановка, располагающая к приятному времяпровождению, была старательно создана и манила расслабиться...

В девять пятнадцать Эльвира постучала в дверь, я открыл. Она вошла с улыбкой, на миг чмокнув меня в щёку, но уже в следующее мгновение улыбка исчезла с её лица. В её глазах сначала мелькнул шок, потом возмущение, а потом даже испуг, словно она забрела в пещеру какого-то деревенского маньяка из-под Львива. А ведь на всё это ушла треть моей зарплаты!

Я ничего не понял и попытался мягко притянуть Эльвиру к себе, чтобы поцеловать и успокоить, но она оттолкнула меня, вlepила пощёчину и сбежала в слезах! Представьте себе моё состояние после такого чудесного свидания. Я даже не успел толком ничего сказать. Вот так и остался молча стоять, дурак дураком в дверях, с расцветающим красным отпечатком её пальцев на лице...

Потом уже подумал, что, может, у неё на носу критические дни, и интуитивно решил, что звонить ей не надо, сама позвонит, когда успокоится и будет готова. Теперь было ясно, что интуиция меня подло обманула.

Но поверьте, я не мог даже представить, на что именно она обиделась до такой степени, что пошла писать на меня донос моему же начальнику.

– Что тебе принести на обед, дружище? – заботливо шепнул Флевретти.

– Капрал Флевретти, срочно ко мне! – неожиданно громко рявкнул шеф.

Хм... судя по тону, случилось что-то из ряда вон выходящее. Капрал удивленно пожал плечами, типа не представляю, что могло произойти, и поспешил на зов.

Хотя в принципе меня это уже не должно волновать. Я же задержанный, верно? Пусть сами расследуют, что бы там ни случилось. Понятно ведь, какие новости могут быть в полицейском участке – сплошь криминальные. Прошло где-то пять минут, я прилёг и сделал вид, что сплю.

Послышались скользкие шаги. Я приоткрыл один глаз. У решётки стоял смуглый индеец Чунгачмунк с непроницаемым лицом. Не глядя на меня, он сообщил:

– Убийство. Большой Отец призывает тебя к себе.

Он открыл дверь, выпустил меня и ушёл, по-прежнему не встречаясь со мной взглядом. Похоже, то, что я не сдержал слово, стало для него настоящим ударом. Он слишком уважал меня и считал для себя примером ещё со времен нашей первой встречи на так называемом лайнере вампиров, когда этот парень из племени Черепах добровольно помог мне в поимке убийцы главы клана вампиров-традиционалистов. А после совместной боевой операции по раскрытию коррупции в верхушке местной полиции в его родном Порксе и фактически спасения города от гражданской войны наша дружба стала ещё крепче. Мы расследовали вместе не одно преступление, помогая и прикрывая друг друга. По крайней мере, так было до сегодняшнего дня...

Комиссар встретил меня угрюмым молчанием. Сейчас я отметил, что он одет не в полицейскую форму, как обычно, а в строгий костюм-тройку. Видимо, переоделся на какое-то семейное мероприятие: они у него постоянно, то у деда юбилей, сотые рога меняет, то у племянницы обрезание хвоста. Я сел на стул и тоже молчал, решив, что не раскрою рта, пока он не начнёт первым.

– Ладно, не сердитесь, Браздинский. Я должен был как-то отреагировать на заявление мадемуазель Фурье. Как-никак она немало делает для нашего города, мгом... в своей журналистской области.

Услышав это, я невольно поднял взгляд на хвалебную статью, посвящённую (кому бы вы думали?), конечно, нашему комиссару! Газета вышла всего пару дней назад, но он уже успел вставить её в позолоченную рамочку. В статье Эльвира расхваливала шефа полиции за оперативный розыск и арест тролля-карлика по имени Трахляля, совершившего серию налётов на младенцев в колясках, отнимая у них погремушки для своей чёрной коллекции. Мамочки плакали от умиления...

Из этого вы можете судить, какой фигнёй нам приходилось пробавляться в последнее время. Конечно, тот факт, что не было серьёзных преступлений, как я смел надеяться, являлся и нашей заслугой. Хотя, скорее всего, могло быть и просто случайным стечением обстоятельств, светлой полосой. Ну вот, теперь она закончилась.

– Могу я быть уверен, что ваши мелкие обиды не помешают несению службы? – примирительно и даже заискивающе добавил он, искоса блестя хитрыми глазами.

– Какой службы? Вы же меня отстранили.

– Сержант, сержант, можно подумать, вам неинтересно...

– Что произошло? – холодно спросил я, глядя сквозь него.

– Кхе-кхе. Сейчас у меня был звонок, – откашлявшись, построжевшим голосом начал шеф. – В городских коммуникациях, иначе говоря – в канализации, нашли труп. Личность уже известна. Это один из сотрудников страховой фирмы «Могила и Ренессанс», старший помощник главного инспектора местного филиала некий месье Лошар.

Я кивнул. «Могила и Ренессанс» – фирма известная, можно даже сказать, монополист в своей сфере. Она специализировалась на страховании жизни и здоровья трудовых коллективов. Остальные подобные организации просто не могли с этой фирмой конкурировать: она либо поглощала их, либо они сами прогорали.

– Он отправился, чтобы расследовать заявление одного из обслуживающих канализацию слесарей о полученной во время работы травме, и, по словам

свидетелей, решил лично осмотреть место, где произошло несчастье. Работают в этих туннелях преимущественно кобольды. Точнее, только кобольды. Это их вотчина, как говорят у вас, славян, «из отбросов руды да в кобольды!».

Я молча кивнул, хотя данная поговорка скорее в чести у грюнвальдских гномов.

– Больше никто в эти трубы, ходы и катакомбы не полезет, не захочет рисковать жизнью. К тому же в нашем городе коммуникационные системы очень старые. На замену в городском бюджете денег нет, поэтому их постоянно ремонтируют. Условия труда там, внизу, ужасные. Но это для нас, точнее, для всех, кроме кобольдов. Они-то народец привычный. А вот помощник инспектора был обычный чёрт, но взял и полез! А там, похоже, просто провалился в одну из многочисленных выбоин или ямин.

– Она была такая глубокая? – удивился я.

– Нет, не глубже полуметра, – признался комиссар, было заметно, что он бы совсем не прочь спустить это дело на тормозах. – Скорее всего, Лошар споткнулся, ударился головой, на время потерял сознание и... захлебнулся. Ямы в проходах, как правило, всегда наполнены водой. Не хочу думать о чем-то криминальном. Надеюсь, это лишь несчастный случай. Но фирме с такой репутацией, как «Могила и Ренессанс», не нужны скандалы, поэтому кто-то должен всё это проверить и уже тогда сделать окончательные выводы.

– И этот кто-то опять я?

– Вы мой лучший оперативник, – грубо польстил он.

– Но Чмунк сказал, что это убийство.

– Это я сболтнул сгоряча. Хотя всё возможно. Идите и выясняйте, а то у меня мало времени. Я обещал мэру присутствовать на свадьбе его дочери. В качестве почётного гостя, разумеется. Мадемуазель Эльвира Фурье своей статьёй напомнила окружающим о моей роли в этом городе!

Роли свадебного генерала, сморщив нос, подумал я. Но дело действительно было интересным. По крайней мере, уж куда более интересным, чем сидение в камере

предварительного заключения в своём же отделении полиции.

– Значит, я свободен? – едко спросил я.

– Н-нет. Не совсем. Я же не смогу оставить без внимания такое серьёзное обвинение.

– Шеф, вы надо мной издеваетесь?

– Бляху я вам верну вечером. Потерпите. Сами виноваты, офицер полиции и не сдержал слова! Это не очень-то вас красит, согласитесь. Она популярная журналистка, если поделится с подругами в других изданиях, что я никак не отреагировал, кто-нибудь из них обязательно об этом напишет.

О конечно, нашего Базиликуса, как всегда, больше всего волнует собственная репутация. Я мог бы догадаться, когда он приказал надеть на меня наручники моим же товарищам...

– Ну что, мы договорились? – Он поднялся с места, отчего зажатое столом огромное пузо заколыхалось, как батут, на котором прыгают довольно крупные дети; пыхтя, обошёл стол и похлопал меня по плечу, как он думал, подбадривающе. – Вы возьмётесь за это дело, сержант, в обмен на возвращение всех регалий и снятие обвинений.

Я пошел к дверям и, уже взявшись за ручку, обернулся:

– Нет, серьёзно. Почему этим не могли заняться капрал Флевретти или рядовой Чунгачмунк? Вы же так рискуете своим имиджем, позволяя «преступнику» разгуливать по городу, в то время как он должен сидеть за решёткой за то, что не завёл ферму в социальных сетях?!

– Не говорите глупостей, Браздинский! Ну, идите-идите, запрос с адресом у Флевретти.

Я вышел к своим сослуживцам, которых ещё вчера считал самыми близкими чертями в этом городе. Они оба, казалось, ждали этого момента. Потому что Чмунк, виновато пряча взгляд, тут же углубился в какие-то отчёты. А Фурфур,

вытянувший было шею из своей каморки, тут же спрятался за экран монитора, принявшись настукивать бессмысленный набор знаков. Детсад какой-то. Но он не сомневался, что выглядит жутко занятым и все в это верят.

- Капрал?

- А, Ирджи! Я тебя и не заметил. Столько работы!

- Столько, что никто из вас не может поехать на место трагедии?

- Трагедии! - неуверенно фыркнул он. - Скажешь тоже. Скорее уж просто место происшествия. Это кобольды привычные к канализациям. А что мне там делать? Я же не следопыт. Такие вещи по части нашего Грозного Томагавка!

- Скользкий Брат просто не хочет там запачкаться, - холодно улыбнулся Чунгачмунк, ни капли не обидевшись на новое прозвище. - А я не могу. Никто из племени Черепах не может спускаться под землю. Мы носим её на своей броне, но боимся темноты и нехватки воздуха, - признался он и покраснел.

Угу, значит, ещё и это. Мало нам того, что он и так при первой опасности превращался в свою тотемную рептилию. Правда, лишь в том случае, если опасность исходила от вампира.

- Комиссар был прав, похоже, я задал глупый вопрос.

Но Флевретти ничуть не смутился.

- Да. И пачкаться я тоже не хочу! У меня, между прочим, сегодня свидание. Одна цыпочка тут на сайте серьёзно на меня клюнула. А я точно как знал, что она в конце концов сдастся. Поэтому ещё в понедельник помылся...

Я прервал его откровения, потребовав адрес и ключи от машины.

- Подожди, а разве подследственному можно брать служебную машину? Шеф бы сказал, чтобы ты ехал на трамвае. Шучу-шучу. Ты что, шуток не понимаешь? - Капрал резко изобразил жуткое веселье.

Я молча взял ключи и направился к выходу, ничем не показывая клопочущее в груди раздражение. Разве что, быть может, слишком сильно хлопнул дверью.

Выйдя на улицу, я окончательно понял, что этот день вовсе не так прекрасен, как казалось всего каких-то полтора часа назад. Добираться надо было аж в другой конец города. Я сел в машину, проложил маршрут в навигаторе и поехал. Теперь мне попадались лишь злые черти, опаздывающие на работу, горгулии, летающие слишком низко, явно мешая общественному транспорту, курящие в подворотне подростки с недопустимыми христианскими образками на шее, и будь у меня жетон – я бы всех подряд забрал в участок. Настроение, сами понимаете. Может, и хорошо, что жетона не было...

Даже погода изменилась не в лучшую сторону. Вышло яркое солнце, скрылись тучи, потеплело, – похоже, это теперь на весь день. По пути я позвонил в морг, чтобы приезжали за телом, сообщив адрес. Если, конечно, адресом можно назвать канализационный люк на перекрёстке. И примерно через полчаса без пробок сам доехал до нужного места.

Ошибиться было трудно: у открытой крышки люка стояла галдящая толпа кобольдов в спецовках, резиновых сапогах и шлемах с фонариками на лбу. Они размахивали руками, кричали и о чём-то яростно спорили с высоким, представительного вида чёртом с большим животом, казавшимся неестественным для данного телосложения.

При виде полицейской машины кобольды сразу бросились ко мне.

– Коблибе коблиди! Коблинамди, коблини кобляк коблиёкди! – окружили меня кобольды, стараясь наперебой перекричать друг дружку на своём непроизносимом наречии. – Коблиоф коблиурди коблищи коблинап!

Я мысленно проклял всю нашу миграционную службу, допускающую в страну рабочую силу без знания языка. Но чёрт с животом пришел мне на выручку.

– Разойдитесь, пропустите меня, да? Я глава страховой фирмы «Могила и Ренессанс», точнее, его филиала в Мокрых Псах. Инспектор Жорж Труппенс. С кем имею честь?

Да, типаж явно из тех, которые думают, что у них пекло в кармане. И я, несмотря на правила, обязывающие нас представляться, не стал ему отвечать.

– Где тело? Я надеюсь, вы там ничего не трогали?

– Я, да? О, я даже в люк не протиснулся при всём желании. – Он слегка похлопал себя по пузу.

Для начальника, только что потерявшего старшего помощника, вид у него был слишком жизнерадостный. Однако ему явно не понравилось, что я игнорировал его обращение и протянутую для пожатия руку.

– Кто-то из кобольдов говорит по-парижски? Или вы будете переводчиком?

Инспектор открыл рот, но его опередил один из кобольдов, протиснувшийся вперёд. Выражение грязной физиономии было одновременно суровое и хитроватое.

– Я говорила, – сказал он, сморкаясь прямо в ладонь.

– Кто-нибудь видел, как это произошло?

Он шмыгнул носом, размазывая по лицу остатки соплей.

– Никто не видел. Мы все работаем в одиночку в разных проходах.

– Вы понимаете его, да?

– Не совсем.

– Он имеет в виду, что туннели там такие узкие, что войти в них вдвоём невозможно, да. Можно только одному пролезть. Вот почему местные не особо жалуют эту работу, – опять поспешил мне помочь инспектор Труппенс. – Хотя, честно говоря, и платят здесь гроши. Но то, что гроши у нас, средний кобольд зарабатывает у себя за полгода, да? У них все отрасли экономики ещё в зачаточном состоянии. Даже сельское хозяйство...

– Спасибо, мы все в курсе экономической ситуации в Кольбоджи, – перебил я, и инспектор примиряюще поднял руки вверх, не убирая добродушного выражения с лица.

Я заглянул в открытый люк. Спускаться вниз совсем не хотелось.

– Там есть лестницади. Вот, возьмитеди это. – Кобольд протянул мне шлем с фонариком.

Кивнув, я надел шлем и, свесив ноги вниз, нащупал ступеньки.

– Мне нужно, чтобы вы пошли со мной, – сказал я кобольду-переводчику.

Он пожал плечами и полез следом, взяв у товарища старинный фонарь для подземных работ: я знал, что кобольды консервативны и любят следовать традициям. Ступенек через двадцать лестница обрывалась, и я спрыгнул на каменный пол. Здесь было сыро, холодно и темно, только слабый свет сверху освещал небольшую круглую площадку, где мы стояли со спрыгнувшим следом за мной провожатым.

Я включил фонарик и огляделся. Отсюда выходило три выложенных камнем узких туннеля, в которые, не пригнувшись, мне было не пройти. К тому же, судя по запаху, желобам по центру пола и текущим в них сточным водам, мы находились прямо внутри канализационных труб. Какой тут был воздух, лучше умолчать.

Кобольд, усмехнувшись, зажёг свой фонарь.

– В первый раз, я смотрюди, вы здесьди, да? – пошутил он. – Идитеди за мной.

И кобольд шагнул в левую трубу и очень быстро и уверенно, даже не глядя под ноги, засеменял вперёд. Я, естественно, поспешил за ним, стараясь не отставать, но и не поскользнуться на мокром камне и ругая себя за то, что не подумал по пути купить в магазине «Всё для рыбалки» резиновые сапоги. Половину пути мне ещё как-то удавалось сохранять уверенный вид. Как полицейский, я не мог показывать слабость. Горожане должны иметь уважение к мундиру, иначе мы просто не сможем выполнять свою работу. Потом

стал задыхаться...

Вдруг над нами что-то прогрохотало. Я резко пригнулся и, подняв голову, посмотрел вверх.

– Машинади, – пояснил мой проводник. – По люку проехалади. Смотритеди лучше под ноги.

Я последовал его совету и в последний момент успел увидеть впереди яму, наполненную водой. Кобольд, не глядя, перепрыгнул её. Я тоже прыгнул, но не так удачно. Боялся задеть головой низкий свод, а потому влетел в грязную воду по щиколотки. Неужели у города даже на цемент нет денег, чтобы засыпать эти страшные колдобины? Тут наверняка каких только бактерий и вирусов не расплодилось!

Мы прошли до конца туннеля-трубы и повернули за угол... как вдруг буквально перед моим носом сверху обрушился целый водопад. Вообще-то это была не вода, но лучше не концентрировать на этом внимание. Успевший легко проскочить и не облиться кобольд обернулся и засмеялся. Наверное, у меня и впрямь был огорошенный вид.

– Это из детскоди садади, сверху. В это времяди они обычно выливаютди горшкиди.

– Спасибо за разъяснение, – всё ещё находясь в шоке, пробормотал я, отряхиваясь от долетевших брызг.

Какое уж тут может быть уважение к мундиру, облитому вот таким делом...

– Старая системади. Тут всё течёт в одинди туннельди – и сливные водыди, и дождевые. А потом всё в рекуди!

– Сколько ещё идти? – перебил я, всем сердцем желая побыстрее отсюда выбраться.

– Уже недалекоди, не боитесьди. Может, и повезёт, не обольётесьди больше.

Хорошо бы, но я в это слабо верил: учитывая моё сегодняшнее везение, ещё что-нибудь да случится. Поэтому я даже удивился, когда, повернув в узкий боковой туннель, мы вдруг резко остановились.

– Вот он, бедолагади, – сказал мой провожатый, качнув фонарём на лежавшего на каменном полу лицом вниз мёртвого чёрта в хорошем пальто. – Упалди и захлебнулди.

Здесь действительно была большая яма или, если хотите, выбоина, наполненная водой. В неё, видимо, он и упал. Но как это могло случиться? Неужели Лошар решил спуститься сюда один?

Рядом с телом валялся разбитый фонарь. Похоже, что он споткнулся, уронил фонарь, который разбился и погас, а несчастный остался в темноте, шагнул вперёд, упал в яму, от шока потерял драгоценные секунды и захлебнулся. Или, как предположил шеф, потерял сознание от удара головой и захлебнулся? Но тогда фонарь уже не сыграл никакой роли. Что ещё? Увы, никаких других деталей, раскрывающих картину произошедшего, на первый взгляд видно не было.

– А кто его нашёл? – несколько запоздало спросил я. Нашедшего полагалось бы допросить. Хотя он (или они?), скорее всего, тоже не говорит по-нашему. Или будет делать вид, что не говорит.

– Мы все вместеди, когдади шли на обедди.

«Как-то подозрительно», – подумал я. Он шел к ним один, а они нашли его все вместе.

– Ну если и былди с ним кто-тоди, теперь-то онди не сознается, – как будто читая мои мысли, заметил кобольд. – Раз сам решилди не говориди.

А он неглуп.

– Как вас зовут?

– Маймул-джан.

– А я сержант Браздинский. Извините, что не представился раньше.

– Ничегоди, с нами никтоди не знакомится. Мы ж гастарбайтеди...

Не вдаваясь в проблемы непростого отношения местных жителей к мигрантам, я вновь вернулся к осмотру места происшествия. Выбоина была широкая, но я, проклиная всё на свете, решился прямо в брюках измерить её глубину. Шеф не врал, воды было едва мне по колено. Но утонуть в принципе возможно, особенно если помощник инспектора потерял сознание или был пьян.

– Когда вы его вытащили из лужи, от него случайно не пахло алкоголем?

– Нет. Мы бы почуялиди, нам на работеди пить нельзяди, а хочется-а.

Что ж, с моей точки зрения, всё больше косвенных улик указывало именно на убийство, а не на трагическую случайность. Я присел на корточки рядом с телом и постарался тщательно его осмотреть. Кобольд по моему знаку опустил свой фонарь ниже. Честно говоря, света это практически не прибавило...

– Гематома и большая ссадина на затылке, – бормоча себе под нос, отмечал я. – Зубы плотно сжаты. Почему вы решили, что он захлебнулся?

– Мы же егоди в воде нашлиди. Лицомди вниз. Чё тут ещёди думади?!

– Ну да. Шёл, споткнулся, разбил фонарь, ударился обо что-то затылком и упал лицом в лужу. А зубы покрепче сжал, чтобы захлебнуться через нос, так, что ли? Посветите сюда.

Я поднял с пола разбитый фонарь и сразу же заметил вмятину на днище. Интересно, она тут уже была или появилась от удара по голове жертвы?

– Сегодня же отправим на экспертизу. А вы позовите своих товарищей и вытащите наверх тело погибшего. Его заберёт служба из морга.

– А страховкади? – цапнул меня за рукав кобольд. – Несчастныди случай, страховкади положена.

– Это уже не моё дело, но полагаю, что её получают родственники? – Я внимательно посмотрел на него.

Маймул-джан немного смутился. Вернее, чего-то испугался, ведь кобольды не умеют смущаться, это известный факт.

– Мы вседи тут родственникиди. Ближайшиди! – решительно заявил он.

– Вы кобольды, а он чёрт, – напомнил я.

– А намди сказалиди...

Похоже, настало время задать вопросы страховому инспектору.

– Хорошо, выясним. А теперь позаботьтесь о вашем «родственнике», и поскорее.

Назад дорога показалась короче и, к счастью, обошлась без приключений. Прямо в туннеле у меня зазвонил телефон. Шеф? Связь тут же прервалась. И хорошо, докладывать пока было особо не о чем, да и разговаривать с ним лишний раз не хотелось. Он же собирался на свадьбу дочки мэра. А теперь сам звонит, общения хочет? «Похоже, на элитном мероприятии не всё так весело», – позлорадствовал я про себя. Телефон зазвонил снова.

– Извините, пока не могу говорить. Желая приятно провести время, – быстро ответил я, отключил связь и взялся за перекладины лестницы, начав подниматься вслед за Маймул-джаном. Скоро мы были уже наверху, и я с облегчением набрал полные лёгкие свежего воздуха.

Инспектор Труппенс всё ещё был там, продолжая шумные разборки с кобольдами. При виде меня он резко оборвал спор, бросил начавших о чём-то подозрительно шушукаться рабочих и вперевалку побежал навстречу.

– Ну что? Несчастный случай? Всё подтвердилось, да? – Он кинул быстрый взгляд на фонарь у меня в руках.

– Это я у вас хотел бы спросить, – вместо ответа заявил ему я. – Вы можете сейчас поехать со мной в участок?

Он заколебался. Но всего на секунду, тут же широко улыбнувшись и состроив удивлённые глаза.

– Конечно, офицер. Но зачем? Я могу ответить на все вопросы прямо здесь, да? И какое я имею отношение к судьбе бедного Лошара...

– Вы боитесь этих кобольдов от несчастного случая?

– Да... Признаться, они довольно часто что-нибудь себе ломают.

– Вот об этом нам и надо поговорить. Об участившихся в последнее время несчастных случаях во время ремонтных работ в канализациях. – Я сказал это интуитивно, но, судя по реакции инспектора, попал точно в цель.

– Значит, вы тоже в курсе? Что бы это значило, да?

Он явно занервничал, но тут же взял себя в руки и посерьёзnel.

– На самом деле это проблема. Мы разоряемся на выплатах, да, – сказал он, понижая голос и отзывая меня в сторону. – Мой помощник как раз расследовал очередной несчастный случай, когда с ним произошло это недоразумение, то есть я хотел сказать трагедия, да? Чтобы получить страховку и не работать, они всё время подстраивают себе несчастные случаи. Якобы производственная травма, да? Подставив товарищу подножку, сломать ему нос им ничего не стоит.

– И что, даже за сломанный нос платят? – удивился я.

Надо внимательно перечитать свою страховку. Нет, конечно, я не собирался ради каких-то выплат ломать нос, но свои права знать нужно. Хотя о каких правах тут может идти речь, когда тебя могут посадить только за то, что не завел «ферму»?!

– Таковы контракты, на работу сейчас иначе брать нельзя. Правительство следит за соблюдением прав трудящихся, так сказать, да. Закон на их стороне. Вы ведь нам поможете, да? Припугнёте их как следует? Объясните, что за мошенничество и реальный срок схлопотать можно. Они ведь этого не понимают. Вон до чего дошли, да? Уже и первый труп появился!

– На что вы намекаете?

– Я? Ни на что. Это вам делать выводы. – Но под моим суровым взглядом инспектор поспешно продолжил: – Они же тут все друг другу родственники. И их на лицо практически не отличить, да? И фамилия у них одна – Шмякди. Только и ходят получать друг за друга страховки. И попробуй не выплати, да? Они тут же бросают работу! А мэрия налетает на нас с обвинениями, да? Орут по телефону, что, если по нашей вине город зальёт отходами, они нас самих заставят дерьмо лопатами разгребать. Так что проще было заплатить, но они от безнаказанности совсем обнаглели, да-а...

– Хорошо, спасибо за информацию, мы разберёмся. Я с вами свяжусь, – сказал я, отметив, что за годы общения с кобольдами у месье Труппенса даже манера речи стала в чём-то похожей на их акцент.

Тем временем подъехала машина из морга. Двое санитаров-зомби выслушали меня и встали на изготовку у канализационного люка. Сейчас многие госслужбы привлекают зомби на не требующие особой умственной деятельности работы, это существенно экономит деньги, потому что ходячие мертвецы не спят, не нуждаются в зимней одежде и работают за укол физраствора. И чаще всего их можно встретить в моргах, это удобно – где очнулись, там и остались работать.

– Что ж, офицер, мне тоже надо возвращаться в свой кабинет.

– Отлично. – Я холодно посмотрел на него. – Можно я вас сегодня навещу? До которого часа вы будете на работе?

Мне показалось, что Труппенс с хрустом сжал кулаки, но тут же постарался соорудить беззаботную улыбку. Плохой актёришка...

– Где-то до шести...

Я отстранённо кивнул и направился к остальным. Кобольды как раз вытащили из люка тело месье Лошара ногами вперёд, и зомби, переложив его на носилки, шатаясь, перенесли в машину. Конечно, работники они получше, чем те же вечно пьяные сатиры, но что-то на словах передавать через них судмедэксперту

месяц Шабли, который будет делать вскрытие, бессмысленно. Поэтому я просто сделал запись в записной книжке, оторвал листок и пришил его булавкой к груди самого крупного зомби. У каждого из них на одежде было штук десять булавок специально для таких целей.

Увидев моего переводчика, я поманил его пальцем. Он как раз собирался уходить с остальными кобольдами, – видимо, они решили, что пора приниматься за работу.

– Чего вам еще надо? Я уже сказал все, что мне знал.

– У меня еще пара вопросов. Ответьте, и свободны.

– Ну давайте.

– Я смотрю, вас тут много и ваша работа в канализациях не подразумевает выходных, – издали начал я.

– Трубы старые, двести лет не менялись. Чиним в одном месте, в другом ломается. И так все время! Мэр сказал – денег на новые нет.

– Это плохо. Понимаю. Но я хотел узнать другое. В последнее время у вас было много несчастных случаев. В какой больнице лежат ваши товарищи?

– В какой еще больнице? – хрипло засмеялся Маймул-джан. – Они все здесь! На месте ногу бетонируем и идем дальше.

– Но это же... просто ужасно.

– Да нормально. У нас все быстро заживает. То есть не так быстро, – спохватился он. – Страховка нам все равно положена!

– Само собой. А в какую клинику вы обращаетесь за справкой для получения выплат?

Он заколебался. Но всего на секунду, тут же приняв беспечный вид.

– Да хозяинди сам этимди занимаетсяди. У нас делоди не терпит. С работы насди никтоди не отпустит в больницуди. – Он сморщил нос, явно подумав о всяких неженках, ходящих по врачам.

– Инспектор Труппенс? Но зачем ему это? Вроде бы он заинтересован в прямо противоположном? – Я пристально посмотрел на кобольда.

У него забегали глаза, и он неуверенно пожал плечами.

– А кто же тогдади? Он же страховкуди платиди. У него спросите. И этоди... тсс...

Он воровато огляделся по сторонам и приложил палец к губам. А потом у меня на глазах быстро сломал себе тот же палец, ткнув им в фонарный столб!

Наверное, я немножко побледнел, потому что хруст был просто жуткий. Но нахальный кобольд лишь счастливо захихикал, словно показал очень смешной фокус. Спокойно вправил палец обратно и демонстративно покрутил им из стороны в сторону.

– Видитеди? Другиди так не могутди, только мыди.

Я сглотнул, сдержанно поблагодарил его за информацию и направился к своей машине.

– Эй, шлем верниди!

– Чуть не забыл, – смутился я, останавливаясь и возвращая ему шлем с фонариком для подземных работ.

Похоже, надо серьёзнее относиться к этим странным существам из зарубежья, мало ли ещё чего они умеют...

Не успел я отъехать и на десять метров, как в кармане опять затрезвонил телефон. Однако на этот раз звонили с какого-то скрытого номера.

– Сержант Браздинский? Выслушайте меня, умоляю! Я видел вас сегодня на месте преступления.

– Кто это?

– Просто друг. Вы меня не заметили, я проехал мимо. Но у меня есть информация для вас. Я честный чёрт и не хочу больше в этом участвовать.

– В чём участвовать?

– Я сейчас не могу говорить. Я на работе. Меня могут убить за один звонок вам. Но я рискнул. Встретимся в четыре часа дня в пабе «Блохастая псина». – И он повесил трубку.

Если бы я был в столице, то даже районное полицейское отделение легко проследило бы звонок. Но в Мокрых Псах подобное было возможно лишь через кучу разрешений, подписей и личных связей комиссара с мэрией. А просить Базиликуса о таком одолжении мне сейчас совершенно не хотелось. Оставалось только надеяться, что мой таинственный собеседник всё-таки объявится.

Подумав, я позвонил в участок. Трубку снял Флевретти.

– Мне нужна помощь.

– Ничего не знаю, гражданин Браздинский, пишите заявление! Шучу-шучу, – весело откликнулся капрал. – Ладно, говори, что хотел. Шеф на свадьбе. Я здесь один.

– А где Чмунк?

– Его тоже нет. Кажется, комиссар ещё до ухода дал ему какое-то поручение.

– Святая кровь! – не сдержавшись, выругался я. – У меня сегодня важная встреча в четыре. Хотелось, чтобы вождь подстраховал.

– Ну, если вернётся, я ему передам.

– Не надо, я сам скоро буду.

– А вот этого я тебе не советую. Сразу после твоего ухода приходила Эльвира и сняла с тебя все обвинения. А по нашим законам, ты знаешь, неприемлемое христианское милосердие налагает двойную ответственность. Базиликусу придётся запереть тебя надолго. А кто тогда будет расследовать это дело? Я, что ли? И кстати, ещё я придумал новое прозвище для Чунгачмунка. ПЖП – Пернатый Житель Прерий! Как тебе? По-моему, смешно, а?

Я в ярости оборвал связь, чтобы не выплеснуть в самой нецензурной форме, что я думаю о нём, о комиссаре Базиликусе, об Эльвире, о бывшем друге-индейце и о противоречиях нашего гражданского и этического кодексов, забыв даже, что хотел попросить капрала о помощи. В любом случае сначала следовало заехать в гостиницу, помыться, привести себя в порядок и переодеться.

Пожилая горгулия Ранеффски, зевая на рецепции, поинтересовалась, сморщив нос:

– Где это вы были, месье, в канализации, что ли?

– В точку, мадам, вы просто гений дедукции, – нервно покивал я, спеша вверх.

Она насмешливо оскалила клыки.

В своем номере я поспешил скинуть пропахшую одежду, приготовил горячую ванну и уже было перекинул в неё ногу, как услышал звонок сотового. Пришлось идти брать. Это был комиссар, куда деваться...

– Да, я слушаю.

– Ну, как продвигается расследование?

– Мгм... Я позвоню вам через полчаса и всё доложу.

– Нет, сейчас. Потому что мне здесь скучно, тут же одна молодёжь. А с мадам Базиликус мы и дома уже наговорились за пятьдесят лет и ещё настолько же

вперёд.

Действительно, на заднем фоне слышался юный смех и современная подростковая музыка, то есть совсем не во вкусе нашего старого комиссара.

– Хорошо, – сжалился я. – У меня был анонимный звонок. Кто-то хочет поделиться с нами информацией.

– Что о нём известно? – воодушевился комиссар.

– Ничего, он отказался себя называть. Обещает передать какие-то важные сведения сегодня в четыре в «Блохастой псине». Говорит, что ему грозит опасность.

– А вот это уже что-то, – явно обрадовался старый чёрт. – Дальше.

– Дальше всё. Если не будет особых указаний, я собираюсь пойти на встречу. А до этого хочу наведаться в страховую фирму посмотреть все страховки и медицинские справки, выданные кобольдам, хочу узнать, кто их подписывал. Вы были в курсе, что у них почти мгновенная регенерация?

– Только у тех, что кольбоджийцы. По крайней мере, существует такое мнение.

– Так вот, наши все из Кольбоджии! А страховка по здоровью у них такая же, как у обычных кобольдов.

– Это интересно... Вы правы, поработайте в этом направлении. Даже если смерть помощника инспектора не имеет отношения к медицинским махинациям, то всё равно дело нечисто. Кстати, что говорит на эту тему главный инспектор «Могилы и Ренессанса»?

– Он как раз жаловался мне на чрезмерную жадность кобольдов. Уверяет, что сам, а вернее, вся компания страдает из-за постоянных выплат. Но хорошо, мне пора идти, со всем этим столько мороки, – заторопился я, понимая, что комиссар не жаждет останавливать разговор.

А меж тем, кажется, вся комната пропиталась этим канализационным запахом. Даже розовые занавески, и скатерть, и всё убранство в деревенском стиле, оставшееся после вчерашнего неудачного свидания. Вспомнив об Эльвире, я поёжился и, не слушая холодное прощание комиссара, оборвал связь и отправился наконец в ванную, едва успев выключить воду, которая ещё секунда и начала бы переливаться через край.

Горячая вода нужна была не только, чтобы смыть с себя нечистоты. Не в последнюю очередь требовалось ещё и прийти в себя после всех стрессов и вновь начать трезво мыслить. Обычно я не принимал ванну днём, но сейчас это было просто необходимостью.

Мне казалось, что сегодня я потерял всё: работу, любимую девушку, товарищей, доверие к начальнику. Вообще доверие к кому бы то ни было. То есть остался один. Абсолютно один в этом чёртовом городе, куда меня забросила злосчастная судьба.

Я ушёл с головой под воду и лежал на дне ванны с закрытыми глазами, чувствуя, что понемногу отпускает. Вынырнув через десять минут (ощущение времени у меня уже профессиональное), я чувствовал себя гораздо лучше. Тяжесть с души (если она у нас, конечно, есть) не ушла, но отпустила. Голова приходила в порядок. Теперь я понял, что хочу есть, но это подождёт: на голодный желудок думается быстрее, пора приниматься за работу.

Ещё десять минут спустя, в чистой одежде и новых ботинках, с гораздо более оптимистичным настроением я вышел из гостиницы, дошёл до машины, завёл мотор и поехал в «Могилу и Ренессанс». Я решил не звонить месье Труппенсу. Хотелось увидеть «радость» на его лице при моем появлении.

Но уже на втором повороте стало ясно, что за мной ведут слежку. Я мельком глянул в зеркало заднего обзора и заметил хвост. Нет, не тот, который мне давно купировали. Чёрная заграничная «Волга» с тонированными стёклами осторожно преследовала меня уже второй квартал. Номера были забрызганы грязью, и того, кто сидит за рулём, тоже не было видно. Хм, подобные иномарки не самая большая редкость в наших краях, но по спине всё равно пробежал невольный холодок. Просто именно на таких машинах разъезжали все самые известные шпионы в старых политических детективах и боевиках.

Еще чуть-чуть, и я дофантазируюсь до того, что стал интересен иностранной разведке. Я резко повернул за угол, заглушил мотор и выскочил на улицу. Повернув следом, «Волга» едва успела затормозить, когда я, перепрыгнув через капот, рванул переднюю дверцу со стороны водителя. Бедняга не подумал её запереть и от моего рывка едва не вылетел на асфальт. Это был долговязый тщедушный чёрт в тёмно-синем пальто, похожий на офисного работника.

– Кто вы такой? Зачем вы за мной следили? – Я встряхнул его за грудки и крепко приложил спиной о боковое стекло.

– Отпустите меня, – тонким голосом взмолился мой преследователь, отчаянно пытаюсь вырваться, и я узнал голос, хотя тогда по телефону он и пытался его изменить.

– Это вы мне звонили? – скорее констатировал, чем спросил я.

– Не знаю, о чём вы. Я не вам звонил. Я вообще не звонил. Никому. Никогда!

– Не надо врать. Это были вы. Что вам нужно? Говорите сейчас же! Или, может, вам больше понравится рассказать всё комиссару Базиликусу?

– Нет-нет, не надо. Не надо комиссару, – тут же сдался он, и я ослабил хватку. – Да, это был я. Я правда хочу с вами поговорить. Но не сейчас. Сейчас нас могут увидеть.

– Тогда зачем вы за мной следили?

– Он мне велел. Но не спрашивайте меня больше ни о чём, просто отпустите, если не хотите моей смерти. Пожалуйста! Я всё вам расскажу при встрече. Обещаю!

Поколебавшись, я выпустил его плечи. Он дрожащими руками подтянул галстук, быстро нырнул в машину и резко дал по газам, промчавшись мимо меня на предельно допустимой на этом участке скорости. И вот тут я понял, какую совершил ошибку.

Зачем я его отпустил? Конечно, найти в нашем городе чёрную «Волгу» будет нетрудно. Но это если он живёт в Мокрых Псах, а если нет? Мне нужно было просто отвезти его в полицию, а там нажать и... Ведь он и так уже был готов всё выложить. А теперь?

Теперь он может вообще не прийти на встречу. Передумать, испугавшись, или ему могут помешать. Надо было всё-таки записать номера, но теперь уже поздно. Звонить Флевретти не хотелось. Вместо этого, подумав, я нашёл в своём сотовом номер полицейского управления в Парижске. В общем-то почему бы и не рискнуть?

Действовать через голову комиссара Базиликуса было неправильно с точки зрения полицейского устава и морали, но меня сейчас волновало другое – по горячим следам выяснить, кто совершил убийство в канализациях и что за интриги плетутся вокруг страховок не особо нуждающихся в них кобольдов, однако постоянно их получающих.

– Это главное управление? Да, вас беспокоит сержант Ирджи Браздинский, полиция Мокрых Псов. Да, именно так и называется город, Мокрые Псы, округ Дог'ре. Комиссар Базиликус? Он сейчас очень занят и попросил позвонить меня. Потому что это срочно! Нам нужен список лиц, получивших выплаты от страховой фирмы «Могила и Ренессанс» за последние полгода. Да, в местном отделении. Естественно! На фига мне список других округов?! Спасибо. И вы меня простите. Спасибо большое. Будем ждать.

В принципе особых нарушений я не совершил. Ответ придёт на официальный почтовый ящик, к которому имеют доступ все сотрудники. Просто не верил я, что в самой фирме получу достоверную информацию.

Вполне удовлетворённый, я сел в машину, включил зажигание и мягко тронулся с места. В пути думалось легче, казалось, я почти нащупал основную следственную линию, но в этот момент мои мысли прервал резкий трезвон:

Ты ж мэни пидманула,

Ты ж мэни пидвела,

Ты ж мэни бортанула,

Нэгра в хату привела-а!

До сегодняшнего дня эта популярная песня мне казалась очень забавной. Но сейчас- просто отвратительной! Тем более потому что это была Эльвира. То есть не взять трубку я не мог ни при каких обстоятельствах. Я достал телефон и пару мгновений смотрел на её улыбающееся лицо на фото. Лично у меня улыбки не было. Оставалось лишь принять вызов.

- Да? - пожалуй, слишком резко откликнулся я.

- Любимый? Ну наконец-то! Всё утро не могу до тебя дозвониться.

Это была ложь. Даже скорее наглое враньё! Ни одного непринятого вызова у меня от неё не было. Но ложь в нашем мире не считается чем-то неправильным. Поэтому я только хмыкнул в ответ, ожидая продолжения, но без особого интереса. Хорошо, что у меня сейчас работа и я могу спокойно слушать всё, что бы она ни говорила, и думать о своём.

- Ирджи, извини, я погорячилась. Просто была зла на тебя. Сама не знаю, что на меня нашло. Я решила, что ты совсем меня не понимаешь. После вчерашнего...

- А что было не так вчера? - слегка отстранённо спросил я просто для поддержания разговора.

Мысли кружили вблизи компании «Могила и Ренессанс». По крайней мере, я старался держать их в том районе.

- Я же не думала, что Базиликус воспримет это так серьёзно. То есть решит, что я требую посадить тебя в камеру. Мне такое и в голову не могло прийти! Я просила лишь ограничиться наручниками, и всё!

Я слегка поскрежетал зубами.

- Ты что-то сказал?

- Нет-нет, ничего. Продолжай.

– Видимо, он ко мне слишком хорошо относится и хотел сделать приятное, переборщив с инициативой. Но, когда я одумалась и прибежала к вам с заявлением, в котором написала, что снимаю с тебя все обвинения, твой комиссар почему-то побледнел. Он сказал, что даже не представлял, НАСКОЛЬКО я на тебя зла! То, что я хочу сделать, называется неприемлемым христианским милосердием, и после такого заявления с моей стороны ни один судья не даст тебе меньше пяти лет строгого режима со срыванием погон и лишением звания сержанта!

– Где это он взял такой закон? – Я так удивился, что даже на миг забыл все обиды на свою девушку.

– Говорит, в городском уставе от тысяча пятьсот какого-то года, и главный судья с мэром в курсе. Поэтому замять это дело не сможет, потому что не хочет рисковать своим креслом. Игнорировать такое заявление тоже нельзя, и хотя я пыталась эту бумагу прямо при нём съесть, твой шеф сказал, что это бесполезно. Ты же мне веришь, правда, милый?

– Э-э... мм... Знаешь, мне пора.

– А я хотела угостить тебя обедом... Держу пари, ты со своим очередным расследованием точно забыл поесть. Ну, позволь мне загладить вину, хоть чуточку, а?!

Я поневоле смягчился и, мельком глянув на часы, решил:

– У меня сейчас одно неотложное дело. Но, думаю, примерно через час я смогу встретиться с тобой в каком-нибудь кафе.

– Отлично, давай в «Морге».

– А там есть кафе?!

– Милый, я имею в виду ресторан морской кухни «Морг», Демонистическая улица, двадцать три. Я на машине, могу забрать тебя, откуда скажешь! Можно?

Кажется, её так захлестнуло чувство вины, что она уже начала ею упиваться.

– Нет, не беспокойся. Всё нормально. Я сам за рулём, найду по навигатору, встретимся на месте.

– Хорошо, любимый! Я так рада, что ты меня прости! Так счастлива, так...

Я отключил вызов.

А через десять минут уже подъезжал к двухэтажному офисному зданию в строительных лесах. Половина стен была оштукатурена, а вторая являла собой каменную кладку позапрошлого столетия. Тогда ещё использовали чёрный пережжённый кирпич, а раствор замешивали на крови жертвенных козлов. Заляпанная каплями бетона вывеска гласила: «Могила и Ренессанс». Застрахуем ваши страхи». Рядом была ещё одна, поменьше: «Мы надёжны, как вечная мерзлота». Видимо, намёк, что главный офис организации находится на севере, в Хмельсинки.

Я прошёл в фойе, где три маляра неторопливо красили одну и ту же стену в три разных цвета. В то время как четвёртый вообще расковыривал в углу свежую штукатурку. На лицах ремонтников был написан полнейший пофигизм, а движения были исполнены сонной лени. Мягко говоря, удивившись такой «работе», я прошёл через коридор до кабинета главного инспектора Жоржа Труппенса, о чём сообщала табличка на двери. В предбаннике сидел секретарь. Едва он оторвал глаза от бумаг, как я тут же узнал в нём чёрта, с которым мы столкнулись буквально полчаса назад на дороге. Увидев меня, он явно испугался, засуетился, начал перебирать бумаги, зачем-то поправил галстук, потом ослабил его снова, посмотрел по сторонам и, запинаясь, шёпотом спросил:

– В-вы к-ко мне?

– Нет, к вашему начальству, – тихо ответил я. – Но с вами я тоже побеседую, позже и не здесь.

– Господин инспектор у себя, – облегчённо выдохнув, уже в полный голос оповестил меня секретарь и, услужливо вскочив, сам распахнул передо мной дверь в кабинет шефа.

Месье Труппенс был на месте. При виде меня он быстро встал, шагнул к дверям, запер их на ключ, выглянул в окно, задёрнул занавески и, отведя меня к столу, торопливо зашептал в самое ухо:

– Не поймите меня превратно, сержант. Я всё это время думал над тем, что сегодня произошло, да? Быть может, у меня паранойя, быть может, я передёргиваю, да? Но мне кажется, что всё это не просто так. Бедняга Лошар умер не случайно...

Я так удивился, что слушал не перебивая.

– И вот, размышляя о странной череде несчастных случаев среди кобольдов, – торопливо продолжал он, словно бы открывая мне страшную тайну, – я пришёл к выводу, что за этим может стоять кто-то из своих.

Я вопросительно поднял бровь.

– Да-да, представьте! За каждый несчастный случай наша компания выплачивает рабочим далеко не маленькие деньги. Вы бы знали, на какую сумму их страхует компания, да! Ещё недавно мы оплачивали от силы один несчастный случай в полгода. Даже Ойсен, мой секретарь, подтвердит вам это! Мы как раз не так давно приняли его на работу, да...

Я опустил левую бровь и вопросительно поднял правую. Хороший метод, когда нечего сказать, это работает безотказно.

– А теперь у нас творится какой-то беспредел, да? Мы только и успеваем оплачивать медицинские страховки! А ведь ещё этот непрекращающийся ремонт! Я не знаю, когда он закончится. – Инспектор Труппенс сжал кулаки и ударил по столу, изо всех сил пытаясь состроить сокрушённое лицо.

Я изумлённо наблюдал за ним. Это был мой главный подозреваемый, и он на первый взгляд показывал такое искреннее непонимание всего, что происходит. И что он сам делает. Или, может быть, традиционно считает, что в полиции работают одни идиоты?

– Вообще-то вы тут начальник.

– Да, но...

– Кстати, на рабочих я тоже обратил внимание. С ремонтом у вас действительно что-то странное происходит. Маляры красят один и тот же участок стены в разные цвета.

– Ах это, – он манерно махнул ладонью, – мы потом выберем, какой цвет для нас оптимальнее. Не это главное, да? Главное, что кто-то за всем этим стоит. Но он очень хитёр и осторожен, поэтому я сам не смог его найти. Но он явно работает здесь. Деньги пропадают. Ремонтники говорят, что ничего не получали, и постоянно требуют компенсаций. Про кобольдов я вам уже говорил, да? Просил помощи полиции. Меня уволят и поставят на моё место другого, если я срочно с этим не разберусь.

– Кстати, они сказали, что вы лично занимаетесь оформлением страховок. Я бы хотел просмотреть эти бумаги. А кто вам подписывает медицинские заключения?

– Я этим не занимаюсь, это мой секретарь и помощник Ойсен. Он передаёт всё врачам, и все документы хранятся у него, да. Он моя правая рука! Не знаю, что бы я без него делал. Тем более в такие смутные времена, да?

– Хорошо, спросим и у него. – Я понимал, что вариантов уже нет, процесс лжи ускорился и рос, как снежный ком, катящийся с самой высокой горки.

Я широкими шагами подошёл к двери и распахнул её. Секретаря на своём месте не было.

– Похоже, он вышел?

– Сейчас вернётся, подождите, да.

Но я так не думал. И Труппенс тоже, судя по жёсткому взгляду, так диссонирующему с мягким добрым голосом, изображающим наивность и невинность попеременно.

– Хорошо, передайте ему, чтобы зашёл в полицию. Где эти документы?

Проследив его испуганный взгляд, я подошёл к бюро и выдвинул первый же ящик с папками. Судя по ярлыкам, здесь были страховки частных лиц, чьи имена начинались на буквы от «А» до «Д».

– Страховки кобольдов на «ка»? Или это отдельно, в организациях? Может быть, «эм» в муниципальном? – Я взялся за ручку ящика с соответствующим названием.

– Ну что вы! Вы там всё перепутаете, – всполошился инспектор, пытаюсь мягко пролезть между мной и бюро.

– Вы хотите, чтобы я решил, что вы что-то скрываете? Где страховки?

Труппенс поджал губы и помрачнел.

– Вот они, да, – совершенно другим тоном сказал он, выдвигая нижний ящик и тут же вытаскивая нужную папку.

Хм, значит, вот как мы ничего не знаем. Папка была довольно объёмной. Все листы исписаны мелким шрифтом. Много цифр. Святая кровь, сколько же времени надо, чтобы всё это изучить...

– Могу я это взять с собой?

– Нет-нет, я не имею права отдавать вам документы! Это категорически запрещено.

– Тогда сделайте мне копии. Не думаю, что они представляют собой что-то секретное.

– У нас нет секретов, – процедил он сквозь зубы после секундного раздумья. – Это всё?

– Пока да. Пока наши специалисты не изучат всё это.

– Пройдёмте, да... И надеюсь, я вам сегодня больше не понадобится? Утром, когда вы меня спрашивали, до которого часа я буду на работе, я совсем забыл,

что мне нужно сегодня уйти пораньше. Жена ждёт меня на свадьбе дочери мэра, я обещал, что заеду. Положение обязывает, так сказать, да.

Я хмыкнул про себя, – похоже, на этой свадьбе соберётся вся элита города.

Мы прошли по коридору, зайдя в третью дверь, где какая-то девушка с раскрашенными в стиле хиппи рогами скопировала мне всё необходимое. Правда, заняло это минут двадцать. Я сказал ей спасибо, взял на обратном пути у инспектора телефон секретаря, сухо кивнул на прощанье и вышел.

По пути к машине я первым делом позвонил Ойсену, но, конечно, он не ответил. Попробовал ещё раз: думаю, он же должен был понимать, что я один и его босса рядом нет. Но бесполезно, звонок тут же обрывался.

Когда я подъехал к фешенебельному «Моргу», меня там уже ждала полная раскаяния Эльвира, успевшая заказать полный стол средиземноморских закусок.

– Я так обрадовалась, когда увидела в меню, что у них есть твой любимый суп с детёнышами Ктулху.

Я сделал улыбку и сказал, что в первый раз о таком слышу.

– Серьёзно, ты никогда не пробовал Ктулху петит де маринаре?! Я его обожаю! Не волнуйся, я тебе тоже заказала большую порцию.

– Знаешь, я не так голоден.

– Ладно, тогда рассказывай!

– Что рассказывать? – отстранённо процедил я, набивая рот пережаренными кружочками левиафанов в кляре. Вкус тот ещё. Но я украдкой поглядывал на Эльвиру, и душа как будто возвращалась домой, всё плохое уходило, а на сердце становилось легко и спокойно. Хотя, возможно, это просто чувство утолённого голода.

– Как что? Флевретти сказал, что у тебя был такой интересный день! Ты видел очередной труп, лазил по канализациям, чуть не переломал ноги. Это же так

романтично! А ещё из всего этого можно такую статью состряпать... – размечталась она, но тут же опомнилась и уставилась на меня обожающим взглядом.

«Явно пытается загладить вину», – подумал я. Только вот меня сейчас это не очень волновало. Примерно через час у меня была назначена встреча со сбежавшим секретарём, куда, возможно (и, честно говоря, скорее всего), он вообще не явится.

Я достал папку копий страховок кобольдов.

– Посмотри, пожалуйста. Не торопись, время есть. Просто подскажи, с кем можно по этому поводу проконсультироваться?

Через пять минут её старательного, углублённого чтения, меж тем как я расправлялся с левиафанами и порцией хрустящей чёрной камбалы, я спросил:

– Тебя там что-то смущает?

– Ну да. Эти кобольды слишком много травм на работе получают.

– Да. Причём похоже на то, что делают это специально. Я знаю от самих кобольдов, что они очень быстро регенерируют. – Я вспомнил, как легко мой проводник перепрыгивал через ямы в канализациях, не думаю, что остальные такие неуклюжие.

– Но неужели в страховой компании никто этого не знал? – удивилась Эльвира. – Травмы и страховки получают пятнадцать кобольдов, которые ломают себе что-то минимум два-три раза в неделю.

Я взял у неё бумаги, для меня это всё по-прежнему было полной тарабарщиной.

– Как ты всё это так быстро разобрала?

– Мама заставила меня получить серьёзное бухгалтерское образование. А по журналистике я просто окончила трёхдневные курсы. Только никому не говори, я всё-таки лучшая журналистка Мокрых Псов! – сказала она

совершенно серьёзно. – Но знаешь, кому я по-настоящему завидую?

– Кому?

– Тебе, Ирджи! Почему я не пошла в школу полиции? За такой насыщенный день, как у тебя сегодня, я бы отдала месяц нудной работы в «Городском сплетнике».

– Одного моего дня тебе бы вполне хватило, чтобы потом год снились кошмары, – нервно прокашлялся я. – Твоя работа гораздо чище и интереснее. Ты, например, постоянно берёшь интервью у всяких заезжих знаменитостей, которые считаются секс-символами...

– А сам ты регулярно допрашиваешь горгулий лёгкого поведения! Думаешь, представляя это, я могу спокойно спать по ночам?

– У нас в городе таких даже нет. Или есть? – простодушно удивился я и покраснел.

Похоже, даже про криминал в этом городе она знает больше меня.

– Я это просто как пример привела. Ты ведь мне всё не рассказываешь. – С таинственной улыбкой Эльвира коснулась моих пальцев.

В ответ я нежно сжал её руку. Мы смотрели друг на друга, улыбаясь. Лёд растаял. Все обиды были забыты.

– Милая, так что было не так во вчерашнем свидании? – спросил я.

– Да ты вёл себя просто ужасно! – горько рассмеялась она. – Во-первых, эти жуткие розовые занавески...

И тут у меня зазвонил телефон. Флевретти, как же ты не вовремя!

– Извини, надо взять. – Я нажал на кнопку принятия вызова.

Эльвира, пожав плечами, набросилась на салат с морским чёртом. В смысле это рыба такая.

- Дружище, ты что, направил запрос в центральное управление, не спросив шефа?! - с испугом и восхищением накинулся он на меня.

- А что, уже пришёл ответ? Можешь прочесть?

- Да, но тут что-то странное...

- Говори.

- В списке одни кобольды!

- Да, знаю, пятнадцать имён.

- Нет, шестнадцать.

- Как - шестнадцать?! Кто шестнадцатый?

- Откуда я знаю? Но за последние полгода выплаты получали только кобольды, если не считать одной ведьмы, которая обожглась любовным зельем в ресторане быстрого питания «Макдолдонадс». И один кобольд посмертно. Конечно, не он сам, в зомби он не превращался, хотя кто знает, многие это используют, чтобы начать жизнь с чистого листа и приличной суммы денег. В общем, страховку получил его родственник, один из оставшихся пятнадцати.

- Умер?! А почему нам не сообщили?

- Потому что он умер по естественным причинам. От пневмонии.

- Ясно. У тебя всё?

- А ты куда-то торопишься?

– Вообще-то я на свидании, – прорычал я, поскольку капралу явно было не с кем поболтать.

– О-о! Ну, ещё один момент, эти шестнадцать (пока один из них не умер) получали свои страховки не по одному разу, а можно даже сказать постоянно! Каждую неделю! Представляешь?

– Это я уже знаю. – Я повесил трубку и тоскливо посмотрел на Эльвиру.

– Понятно, тебе надо идти. – Она улыбалась, но губы её обиженно дрогнули.

– Не сердись, пожалуйста. Я просто не успел тебе рассказать. У меня есть свидетель, и, если он действительно хочет дать показания о махинациях со страховками, ему грозит серьёзная опасность.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Единственные насекомые, которые почему-то выбрали зиму, чтобы плодиться и размножаться.

2

Разок мой двоюродный племянник решил схитрить и стал глотать пирожки не жуя. В этот день никому не достался гвоздь. Но вечером в больнице мы узнали, кто его съел. Хитреца три дня отпаивали касторкой, и всё равно не удалось избежать операции. С тех пор он стал очень осторожен и любую еду ел маленькими порциями, что не помешало ему до совершеннолетия лишиться ещё двух зубов. Он и гвозди-то глотать начал, потому что потерял уже четыре зуба. Да-да, гвозди к нему так и льнули, везучий был парень...

3

Сигнализация, которую мы не выключали.

Купить: <https://tellnovel.com/andrey-belyanin/otel-u-prizraka>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)